
Л. С. Сядяков

**ПУБЛИЦИСТИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ПУШКИНА
(НЕЗАВЕРШЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУБЕЖА 1830-х ГОДОВ
И ОПЫТ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»)**

Одной из примечательных особенностей задуманных Пушкиным на рубеже 1830-х годов прозаических произведений является тесное переплетение их с публицистикой, близко соприкасающейся с собственно публицистическими выступлениями Пушкина этого периода. Публицистические «вкрапления» оказываются своеобразной формой проникновения авторского начала в художественную прозу, в принципе строящуюся как объективное повествование о внешних по отношению к автору явлениях. Это исключало непосредственное вторжение автора в повествование, подобное тому, какое имело место в «Евгении Онегине», «лирические отступления» которого и вообще прямой голос автора создавали широкие возможности для проявления авторской позиции. Однако именно опыт «Евгения Онегина», чрезвычайно существенный в это время и для Пушкина-прозаика, подсказывал необходимость изыскания таких форм повествования в прозе, которые были бы в известной мере эквивалентны стихотворному повествованию «онегинского» типа. Наглядным подтверждением этого и является публицистика в незавершенных прозаических произведениях Пушкина 1828—1830 годов.

«Роман в письмах» и наброски «светской повести» («Гости съезжались на дачу...» и «На углу маленькой площади...») по-разному проявляют тенденцию к объективности повествования, исключавшей прямое повторение повествовательных принципов «Евгения Онегина». Эпистолярная форма «Романа в письмах», воссоздавая множественность точек зрения на события и поступки персонажей и способствуя расширению объекта изображения, компенсировала в значительной мере ограниченность повествования от первого лица, связанного с восприятием одного лишь рассказчика, хотя и не включала точки зрения автора, лишенного возможности говорить прямо

от себя, столь разнообразно использованной в «Евгении Онегине». Впрочем, и там в письме Татьяны (а затем и в написанном позднее письме Онегина) Пушкин ввел элементы эпистолярной формы, что также связано с утверждением объективности авторской позиции в субъективном повествовании. Но в «Евгении Онегине» эта форма играет, естественно, иную роль, чем письма в эпистолярном романе, где они являются единственным способом передачи его содержания и характеристик действующих лиц. Сам же опыт введения в роман в стихах самораскрытия героя в его письме к другому персонажу у Пушкина предшествовал собственно эпистолярному роману и отразился в нем¹.

Другое дело — отрывки «Гости съезжались на дачу...» и «На углу маленькой площади...». В них «автор» скрыт, но нет также и рассказчиков, ведущих повествование от первого лица и, следовательно, ограниченных в возможностях передачи наблюдаемых ими жизненных явлений. Нет, таким образом, «я» рассказчика, и это позволяет более свободно вести повествование, раскрывая также тайные дружные действия и поступков персонажей. Их характеристика дополняется воссозданием эпизодов, обнаруживающих взаимоотношение героев между собой и с окружающими их людьми. Это также создавало множественность точек зрения, но уже иным путем, нежели в эпистолярном романе. Если там прямое слово повествователя отсутствует, то здесь оно представляет некую объективную позицию, эти точки зрения корректирующую. Отсутствие же авторского «я», объединяющего объект повествования с его субъектом и окрашивающего все своим отношением, как это имело место в «Евгении Онегине», предопределяет существенное отличие отрывков «светской повести», как и «Романа в письмах», от стихотворного романа Пушкина.

Работа Пушкина над набросками «светской повести» и «Романом в письмах» по времени совпадает с заключительным этапом создания «Евгения Онегина»; это сказалось, в частности, в типологической общности ряда персонажей и сюжетных положений, объединяющих прозаические произведе-

¹О связи «Евгения Онегина» с традициями эпистолярного романа см.: Л. Н. Штильман. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина. К вопросу перехода от романтизма к реализму. *American contributions to the Fourth International congress of Slavists. Moscow, September 1958. Mouton's Co. S—Gravenhage, стр. 34—35.*

дения с последними главами «романа в письмах». Сам характер замыслов этих произведений восходит во многом к тому же кругу проблем, которые разрешались в «Евгении Онегине»². Это позволяет рассматривать их как произведения, входящие в периферию «Евгения Онегина» и составляющие своеобразную аналогию ему, и особенно последним главам романа, в прозе. Параллельность в работе привела к взаимодействию между «Евгением Онегиным» и замыслами прозаических произведений, явившемуся одним из существенных факторов творческого процесса Пушкина рубежа 1830-х годов.

В прозаических произведениях, однако, аналогичные во многом образы и темы лишены авторского освещения, и то, что в «Евгении Онегине» мотивировалось сложным и многозначным «образом автора» как носителем субъективной точки зрения, теперь предстает как составная часть объективного повествования. Это, как уже говорилось, исключает возможность прямого вмешательства автора, но не означает отсутствия авторской позиции вообще; авторская точка зрения отчасти реализуется самими героями в формах, в известной мере заменяющих «лирические отступления» в «Евгении Онегине». Среди этих форм существенную роль как раз и играет вторжение публицистики в художественную прозу Пушкина.

Публицистические мотивы появляются в набросках «светской повести» и «Романа в письмах» главным образом в связи с изображением и оценкой «света» — высшего петербургского общества, к которому принадлежат их герои. Здесь, естественно, возникают точки соприкосновения с последними главами «Евгения Онегина», в которых эта тема оказывается на первом плане. Отношение Пушкина к светскому обществу не было однозначным. Татьяна в восьмой главе «Евгения Онегина» не изображается только по контрасту к нему: напротив, она отчасти с ним сливается, приобретая у «света» то, что для Пушкина определяло его значительность; «герой «Романа в письмах» Владимир** определяет это как «преlestь высшего петербургского общества» (VIII, 55)³.

²См., напр.: Е. Г л а д к о в а. Прозаические наброски из жизни «света». В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, 6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 308, 310—312; Ю. М. Л о т м а н. К эволюции построения характеров в романе «Евгений Онегин». В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III. Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 165—166 и др.

³Все цитаты из Пушкина даются по изданию: П у ш к и н. Полное собрание сочинений, тт. I—XVI и Справочный том. Изд. АН СССР, 1937—1959, с указанием в скобках римскими цифрами тома и арабскими — страницы.

Она казалась верный снимок
Du comme il faut...

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать: но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется *vulgar* (VI, 171—172).

Эта характеристика Татьяны — светской дамы имеет принципиальный характер: примечательна в этом отношении апелляция к «высокому лондонскому кругу». В литературе отмечалась связь восьмой главы «Евгения Онегина», тех строф ее, которые содержат характеристику «света», с полемикой Пушкина с Н. И. Надеждиным, в частности, с тем местом из «Романа в письмах», где Лиза отзывается о критических выступлениях «Вестника Европы»⁴: «их плоскость и лакейство показались мне отвратительны — смешно видеть, как семинарист важно упрекает в безнрав(ственности) и неблагопр(истойности) сочинения, которые прочли мы все, мы — Санктпетербургские недотроги!..» (VIII, 50).

Прямой намек на эти же «критики» Пушкин ввел и в беловую рукопись восьмой главы «Евгения Онегина» (строфа XXIV):

В гостиной истинно дворянской
Чуждались шегольства речей
И щекотливости мещанской
Журнальных чопорных судей.
В гостиной светской и свободной
Был принят слог простонародный
И не пугал ничьих ушей
Живую странностью своей:
(Чему, наверно, удивятся,
Готовя свой разборный лист,
Иной глубокий журналист;
Но в свете мало ль что творится,
О чем у нас не помышлял,
Быть может, ни один Журнал!) (VI, 626—627).

⁴См.: Ю. М. Лотман. Указ. соч., стр. 166. Ср.: В. Э. Вацуро. Пушкин и проблемы бытописания в начале 1830-х годов. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. VI. Реализм Пушкина и литература его времени. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 155. Любопытно, что в позднейшей заметке о Надеждине, помещенной в «Table-talk» (1835—1836), Пушкин, характеризуя свое впечатление от личности критика, применит к нему то же слово *vulgar*, которое было им употреблено — в порядке отрицания — в описании Татьяны (см.: XII, 159).

Этот текст ведет, в свою очередь, к отброшенному Пушкиным окончанию заметки «О статьях кн. Вяземского» (напечатана в «Литературной газете» 15 февраля 1830 года), в сочинениях Пушкина помещаемому под условным заглавием «О новейших блюстителях нравственности»⁵. И здесь, говоря, о «журнальных чопорных судьях», рассуждающих о светском обществе, не зная его (ближайшим образом имеются в виду нападки Надеждина на «Графа Нулина»), Пушкин пишет: «Почему им знать, что в лучш(ем обществе) (?) жеманство и напыщенность еще нестерпимее, чем простонародность (vulgarité), и что оно-то именно и обличает незнание света? Почему им знать, что откровенные, оригинальные выражения простолюдинов повторяются в высшем обществе, не оскорбляя слуха — между тем как чопорные обиняки провинциальной вежливости возбудили бы только общую невольную улыбку? (...)».

Эта охота выдавать себя за членов высшего общества вводила иногда наших журналистов в забавные промахи. (...). В одном журнале сильно напали на неблагопристойность поэмы, где сказано, что молодой человек осмелился войти ночью к спящей красавице. И между тем как стыдливый рецензент разбирал ее как самую волнующую сказку Бокаччио или Касты — все петерб(ургские) дамы читали ее и знали целые отрывки наизусть» (XI, 98; ср. с приведенной цитатой из «Романа в письмах») ⁶.

Этот пример наглядно обнаруживает, как в один узел связываются и выступления Пушкина-публициста, и критика, и его художественные произведения, как поэтические, так и прозаические, причем в последнюю точку зрения автора выражают суждения персонажей.

Характеристику салона Татьяны, намеченную в белой рукописи восьмой главы романа, сохраняет отчасти и ее окончательный текст.

⁵См. Н. Я. Соловей. Из истории создания XXIII—XXVI строф восьмой главы «Евгения Онегина». В кн.: Пушкинский сборник. Ученые записки Латвийского государственного университета им. П. Стучки, т. 106. Рига, 1968, стр. 75.

⁶Тема Надеждина, вызванная обстоятельствами литературной борьбы, широко представлена у Пушкина в конце 1829—начале 1830 г., сопровождая его работу над рядом произведений этого времени, включая «Евгения Онегина» и незавершенные прозаические произведения; черновая рукопись цитированного текста помещена в тетради ПД № 841 (ЛБ 2382) на лл. 73 об. — 71 об. почти непосредственно за связываемым с отрывком «Гости съезжались на дачу...» фрагментом «Вы так откровенны и снисходительны.» (лл. 76 об. — 74).

...Входят гости.
Вот крупной солью светской злости
Стал оживляться разговор;
Перед хозяйкой легкий вздор
Сверкал без глухого жеманства,
И прерывал его меж тем
Разумный толк без пошлых тем,
Без вечных истин, без педантства,
И не пугал ничьих ушей
Свободной живостью своей (VI, 175).

Но эта характеристика сменяется затем резко отрицательными оценками следующих строф, дающих сатирическое описание светского общества. Это обстоятельство, которое обычно квалифицируют как колебания Пушкина в оценках высшего света, связано с особенностями того момента, когда писались XXIII—XXVI строфы восьмой главы «Евгения Онегина». С одной стороны, связанный полемикой, которую он вел в это время (особенно споры о так называемой «литературной аристократии»), Пушкин считал необходимым брать под защиту то, что являлось объектом нападок противников (то есть самый принцип «аристократизма», как он его понимал), с другой же — опять-таки в связи с этой полемикой — он резко отрицательно оценивал ту общественную прослойку, которая задавала тон в «свете», — «новую знать», противопоставляемую «старинному дворянству» как носителю просвещения и оппозиционности. В результате сатира оказывается направленной не против «света» вообще, но против «новой знати», той «аристократии», которая, составляя основу высшего общества, определяла для Пушкина облик великосветского Петербурга. Эта социальная направленность критики «света» обуславливает его сатирическое изображение и в набросках «светской повести», которое, по верному замечанию Е. С. Гладковой, конкретизировалось как сатира на «новую знать»⁷. Это и явилось основой близости изображения и оценки «света» в отрывках «Гости съезжались на дачу...» и «На углу маленькой площади...» (как и в «Романе в письмах») к пушкинской публицистике, где эта тема, в особенности в 1830 году, занимает значительное место. В равной мере это относится и к «Моей родословной», связь с которой в изображении «света» как в «Евгении Онегине», так и в прозаических отрывках, также неоднократно отмечалась исследователями.

В последних главах «Евгения Онегина» светское общество предстает в авторском описании, непосредственно соприка-

⁷См.: Е. С. Гладкова: Указ. соч., стр. 349.

сающемся с лирическими отступлениями: это характерно, например, для описания в начале восьмой главы «света» глазами Музы, перерастающего в эпическое повествование, в свою очередь, сменяющееся лирическими пассажами (строфы VI—XII). Строфы XXIII—XXVI этой же главы представляют собой повествование, сатирическое звучание которого предопределено выражением авторской точки зрения. Наконец, тема «света» возникает в восьмой главе романа и в отповеди Татьяны:

«А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище...» (VI, 188).

Эта оценка, хотя и с точки зрения героини, также в конечном счете выражает позицию автора, поскольку в последних главах «Евгения Онегина» они почти совпадают. Этот же принцип отчасти представлен и в прозе, хотя в целом положение здесь совершенно иное: явно выраженная точка зрения автора отсутствует, поэтому и совпадение мыслей героя с позицией автора внутри текста не обнаруживается и связь их приобретает внетекстовый характер. Лишь открытое введение публицистики, мотивированной как суждения персонажей, раскрывает эту связь.

Итак, публицистика в «Романе в письмах» и в набросках «светской повести» связана преимущественно с темой «света»: персонажи пушкинских произведений неоднократно ее касаются, и их суждения перекликаются с целым рядом публицистических выступлений Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов. Говорить о них как о непосредственном вторжении авторского начала не представляется возможным, однако, если иметь в виду соотносительность прозаических отрывков Пушкина рубежа 30-х годов с художественной системой «Евгения Онегина», где, наряду с прямым выражением позиций «автора», широко практикуются и косвенные, включая пересечение точек зрения «автора» и персонажей, то такое совмещение взглядов героев пушкинской прозы этого времени с публицистическими взглядами автора не покажется неожиданным. Пушкин лишь переносил в прозаическое повествование тот принцип, который был широко разработан им в

повествовании стихотворном и, видимо, не представлялся исчерпанным в его пределах. Но в прозе, лишенной ярко выраженного субъективного начала, этот прием терял свою естественность и приобретал известную нарочитость, хотя и создавал возможность расширения сюжетных рамок и проблематики произведений, подобно тому, как это имело место в «Евгении Онегине», в котором именно его насыщенность «лирическими отступлениями» и другими формами выражения субъективной точки зрения создавала предпосылки превращения его в «энциклопедию русской жизни», далеко выводя роман за пределы его сюжета. С другой же стороны, опыт «Евгения Онегина» способствовал разработке образов персонажей, наделенных в той или иной степени элементами авторского сознания, хотя и не являющихся автобиографическими в собственном смысле этого слова.

Насыщенность «Романа в письмах» публицистическим материалом сразу же бросается в глаза⁸. Оба главных героя — и Лиза и Владимир** — рассуждают о старинном дворянстве и «новой знати», о распадении помещичьих хозяйств, об обязанностях помещиков по отношению к крестьянам и т. д. Все это — излюбленные мысли самого Пушкина, высказывавшиеся им неоднократно и даже частично перенесенные из «Романа в письмах» в его публицистику. В особенности это относится к суждениям героев о дворянстве, почти дословно совпадающим с соответствующими публицистическими текстами.

Тема дворянства вводится в начале в качестве мотивировки отказа Лизы от возможного замужества: «Откровенно признаюсь, что Владимир** мне нравился, но никогда я не предполагала выйти за него. Он аристократ — а я смиренная демократка. Спешу объяснить и заметить гордо как истинная героиня романа, что родом принадлежу я к самому старинному дворянству, а что мой рыцарь — внук бородатого миллионщика. Но ты знаешь, что значит наша Аристокрация» (VIII, 49).

Эти слова Лизы прямо ведут к ряду суждений Пушкина, особенно к его болдинским полемическим заметкам 1830 года,

⁸А. А. Ахматова определяет «Роман в письмах» как «свод литературно-полемических (и политических) высказываний Пушкина, розданных им всем четырем корреспондентам». См.: А. А. Ахматова. «Адольф Бенжамен Констан в творчестве Пушкина. В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 100.

то есть периода, примыкающего ко времени написания «Романа в письмах» (1829). Они, в свою очередь, тесно связаны со стихотворением 1830 года «Моя родословная» («мне ли быть аристократом?/ Я, слава богу, мещанин»; III, 261, ср. с отголоском этого в «Родословной моего героя» 1836 года: «Я мещанин, как вам известно,/ И в этом смысле демократ»; III, 427).

То же относится и к суждениям Владимира**, первое письмо которого особенно насыщено публицистикой. Размышления его об упадке дворянства, «уничтожении наших исторических родов», «аристократии чиновной» и «аристократии родовой» и т. д. (см. VIII, 52—53), перекликаясь с суждениями, высказанными ранее Лизой (хотя сам он, в отличие от нее, как раз принадлежит к «новой знати»), раздвигают, как уже сказано, рамки содержания произведения и расширяют его проблематику, функционально сближая публицистику «Романа в письмах» с «лирическими отступлениями» «Евгения Онегина»: как и последние, она служит введению, хотя и не прямому, авторского начала в прозу Пушкина.

С еще большей очевидностью обнаруживают это отрывки «светской повести». Наиболее обнаженно публицистические темы введены в традиционно печатаемый в составе отрывка «Гости съезжались на дачу...» в качестве третьей его главки фрагмент, начинающийся словами: «Вы так откровенны и снисходительны...» (разговор русского с испанцем). Пушкин работал над ним спустя значительное время после того, как были написаны предшествующие главки отрывка (последние относятся ко второй половине 1828 года, фрагмент же «Вы так откровенны и снисходительны...» датируется концом 1828—началом 1830 года), и его соотношение с ними истолковывается по-разному. В. Е. Якушкин, публикуя текст этого фрагмента, осторожно связал его с отрывком «Гости съезжались на дачу...» (Разговор Русского с Испанцем, вероятно, имеющий отношение к отрывку — «Гости съезжались на дачу...»⁹). «Проблематичной» считает связь между ними и комментарий большого академического издания сочинений Пушкина (автор комментария Н. В. Измайлов; см. VIII₂, 1050); предположительно относит эту главку к наброску повести и Б. В. Томашевский¹⁰. Е. С. Гладкова видит в этом фрагмен-

⁹«Русская старина», 1884, ноябрь, стр. 365.

¹⁰См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в десяти томах, т. VI. Изд. АН СССР, М., 1957, стр. 788.

те «варианты разговора русского с испанцем в I главе» и склонна рассматривать его как конкретизацию ремарки: «И разговор принял самое сатирическое направление» (VIII, 37)¹¹. Наконец, Ю. Г. Оксман видел в нем «особый художественно-публицистический этюд», развертывающий «эпизодическую деталь брошенного романа»¹².

Последнее предположение, фактически выводящее этот фрагмент за пределы текста отрывка «Гости съезжались на дачу...», едва ли достоверно: скорее, он все же как-то соотносится с предыдущими двумя главками, и установившаяся практика их совместной публикации не может вызывать больших сомнений; другое дело, что нет возможности совершенно точно определить его место и характер связи с ними. Вывод, к которому пришел Ю. Г. Оксман, не находит достаточного подтверждения: у нас нет твердых оснований считать повесть брошенной к началу 1830 года окончательно. Правда, ноябрем—декабром 1829 года датируется план, с которым связан уже отрывок «На углу маленькой площади...», но работа над его текстом относится к более позднему времени¹³, так что вполне возможно, что Пушкин мог еще и возвратиться к тексту отрывка «Гости съезжались на дачу...» с целью продолжения работы над ним.

Очевидная сюжетная связь фрагмента «Вы так откровенны и снисходительны...» с началом отрывка «Гости съезжались на дачу...» и принципиальная общность их художественного решения позволяют, таким образом, рассматривать их в составе единого замысла. В разговор русского с испанцем тема большого света вводится в форме публицистических рассуждений героя, также функционально заменяющих свойственные стихотворному повествованию «лирические отступления». Это, в частности, может быть подтверждено сопоставлением этого фрагмента с жанрово близким «Евгению Онегину» текстом: поэмой «Езерский» (1832—1833).

Писавшаяся «онегинской строфой» и представляющая собой новое обращение Пушкина к жанру «романа в сти-

¹¹Е. С. Гладкова. Указ. соч., стр. 310.

¹²См.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, т. IV. Изд. «Academia», М.—Л., 1936, стр. 762—763.

¹³Б. В. Томашевский датирует рисунок в тетради ПД № 838 (ЛБ 2371), л. 89, рядом с которым находится фрагмент текста отрывка «На углу маленькой площади...», связанный с работой над его первой редакцией, летом 1830 года. См.: Б. В. Томашевский. Три рисунка Пушкина. В его кн.: Пушкин и Франция. «Советский писатель», Л., 1960, стр. 424.

хах» (известно, что Пушкин предполагал даже связать написанный текст поэмы с «Евгением Онегиным», заменяя фамилию Езерских Онегиними), поэма эта заимствует основные черты его структуры: во всяком случае, принцип совмещения эпического повествования с «лирическими отступлениями» здесь аналогичен¹⁴. В литературе отмечается также связь первоначального замысла «Езерского» с прозаическими набросками 1828—1830 годов: героем поэмы поначалу должен был стать светский человек, являющийся, как и герои незавершенной прозы, новой модификацией онегинского типа¹⁵. Строфы VI—IX белой редакции «Езерского» как раз и представляют собой «лирическое отступление», тематически совпадающее с публицистическими размышлениями о старинном дворянстве и «новой знати», переадресованных героем отрывков «Гости съезжались на дачу...» и «На углу маленькой площади...».

Разговор русского с испанцем в примыкающем к основной части отрывка «Гости съезжались на дачу...» фрагменте вращается вокруг вопроса о русской аристократии. Речь идет о «проклятом (...) аристократическом круге», характерными чертами которого являются «невнимание и холодность»: «человек, не принадлеж(ащий) к это(му) малому стаду, принят как чужой — не только иностранец, но и свой» (VIII, 41—42).

Разъясняя далее заезжему испанцу положение русской аристократии, русский (Минский¹⁶) говорит ему о расслоении русского дворянства, то есть касается той стороны вопроса, которая особенно занимала Пушкина в 1830 году и неоднократно затрагивалась им в его публицистике: «древнее русское [дворянство] (...) упало в неизвестность и составило род третьего состояния. Наша благо(род)ная чернь, к которой и я принадлежу, считает своими родоначальниками Рюрика и

¹⁴См.: Н. В. Измайлов. Из истории замысла и создания «Медного всадника». В кн.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. XXXVIII—XXXIX. Изд. АН СССР, Л., 1930, стр. 171; О. С. Соловьева. «Езерский» и «Медный всадник». История текста. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. III, стр. 299, 327.

¹⁵Там же, стр. 299—300.

¹⁶Считать «Русского» «персонажем без имени», не совпадающим с Минским. (см.: История русской литературы, т. VI. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 302), нецелесообразно, так как фрагмент «Вы так откровенны и снисходительны...» в любом случае примыкает к началу отрывка «Гости съезжались на дачу...», где торжество этого персонажа и Минского вне сомнения.

Мономаха (...). Но настоящая Аристокр(атия) наша с трудом может назвать и своего деда — Древн(ие) роды их восходят до Петра и Елизаветы. Денщики, Певчие, Хохлы — вот их родоначальники¹⁷ (...). Мы гордимся не славою предк(ов), но чином какого-нибудь дяди, или балами двоюродной сестры — [Заметьте], что неуважение к предкам есть первый признак дикости (и) безнравственности»¹⁸ (VIII, 42).

Текст «Езерского» практически повторяет эти рассуждения, мотивируя их, однако, непосредственным вторжением авторской точки зрения.

Кто б ни был ваш родоначальник,
Вам все равно — конечно так,
Вы презираете отцами,
Их древней славою, правами
Великодушно и умно,
Вы отреклись от них давно,
Прямого просвещенья ради,
Гордясь, как общей пользы друг,
Ценою собственных заслуг,
Звездой двоюродного дяди
Иль приглашением на бал
Туда, где дед ваш не бывал. (V, 99).

Подобная же замена точки зрения героя прямым выражением авторской позиции происходит и в дальнейшем: строфы VIII—IX близко соприкасаются с размышлениями героя «Романа в письмах» Владимира** о русских помещиках:

...исторические звуки
Нам стали чужды — хоть с проста
Из бар мы лезем в tiers état,
Хоть нищи будут наши внуки,
Мне жаль, что мы, руке наемной
Дозволя грабить свой доход,
С трудом ярем заботы темной
Влачим в столице круглый год,
Что не живем семьею дружной
В довольстве, в тишине досужной,
Старая близ могил родных
В своих поместьях родовых... (V, 100).

¹⁷Ср.: в «Моей родословной»: «Не торговал мой дед блинами, / Не ваксил царских сапогов, / Не пел с придворными дьячками, / В князя не прыгал из хохлов...» и т. д. (III, 261).

¹⁸Ср. в «Опровержении на критики» (1830): «Дикость, подлость и невежество не уважает прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит звездю двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, т. е. историей отечества» (XI, 162).

Ср. в «Романе в письмах»: «Небрежение, в котором оставляем мы наших крестьян, непростительно. Чем более имеем мы над ним(и) прав, тем более имеем и обязанностей в их отношении. Мы [оставляем] их на произвол плута приказчика, который их притесняет, а нас обкрадывает. Мы проживаем в долг свои будущие доходы, разоряемся, старость нас застает в нужде и в хлопотах.

Вот причина быстрого упадка нашего дворянства: дед был богат, сын суждался, внук идет по-миру. Древние фамилии приходят в ничтожество; новые поднимаются и в третьем поколении исчезают опять. Состояния сливаются, и ни одна (фамилия) не знает своих предков» (VIII, 53).

Сравнение с «Езерским» наглядно подтверждает мысль о функциональной общности публицистического начала в прозаических отрывках Пушкина и «лирических отступлений» стихотворного повествования; опыт «Евгения Онегина» оказался трансформированным в непосредственно примыкающей к нему прозе Пушкина, и не случайно публицистические пассажи прозаических отрывков рубежа 1830-х годов легко укладывались в лирические строфы нового «романа в стихах».

В отрывке «Гости съезжались на дачу...» публицистическое начало несколько оторвано от основной части его текста, отчетливо проявляясь лишь в примыкающем к нему фрагменте «Вы так откровенны и снисходительны...». Ранее написанный текст не включал в себя подобного элемента, хотя и предполагал возможность его введения (разговор Минского с испанцем в начале отрывка), тем более, что само изображение высшего общества в нем вполне согласуется с публицистическими инвективами «русского». Иначе в этом отношении строится отрывок «На углу маленькой площади...»: диалог между героями уже органически включил в себя рассуждения о «новой знати», характеризующие оба персонажа.

— Я так давно не выезжала, что совсем раззнакомилась с вашим [высшим обществом]. Так ты очень дорожишь вниманием князя Григория, известного мерзавца, и благосклонностию жены его, дочери (певчего)?

— И конечно, с жаром отвечал молодой человек (...) — Я человек светской и не хочу быть в пренебрежении у светских Аристократов. Мне дела нет ни до их родословной, ни до их нравственности.

— Кого ты называешь у нас Аристократами?

— Тех, которым протягива(ет) руку графин(я) Фуфлыгин(а).

— А кто такая гр. (афиня) Фуфлыгина?

— Наглая дура.

— И пренебрежение людей, которых ты презираешь, может до такой степени тебя расстр(аивать)! — сказала дама после некоторого молчания. Признайся, тут есть и иная причина.

— Так: опять подозрения! опять ревность! Это, ей богу, несносно (VIII, 143—144).

Публицистическое начало уже не выступает здесь так явно, как в «Романе в письмах» и в отрывке «Гости съезжались на дачу...» /фрагмент «Вы так откровенны и снисходительны...»/; но сами эти рассуждения вытекают из оценок, которые содержатся в публицистических статьях Пушкина и в «Моей родословной», а также характеризуют «свет» и господствующие в нем отношения по аналогии с тем, как это представлено в «Евгении Онегине». В особенности варианты XXIV—XXVI строф восьмой главы романа наглядно обнаруживают, что в процессе работы над ними мысль Пушкина вращалась вокруг тех же проблем и тем, которые по-иному решались им в его публицистике и в возникшей в атмосфере литературно-общественной борьбы 1830 года «Моей родословной».

Тут был [К. М.] фра(нцуз) женатый
На кукле чахлой и горбатой
И семи тысячах душах;
Тут был во всех своих звездах
[Правленья Цензор] непреклонный
/Недавно грозный сей Катон
За взятки места был лишен/
Тут был еще сенатор сонный,
Проведший с картами весь век,
Для власти нужный человек (VI, 630).

Для многочисленных вариантов XXIII—XXVI строф восьмой главы «Евгения Онегина» характерна портретность сатирических зарисовок представителей светского общества: прямо или косвенно в них обнаруживаются реальные лица из светского окружения Пушкина¹⁹. Это связано с обострением отношений поэта со «светом», сказавшимся и на эволюции «Евгения Онегина»²⁰. Приведенные строки о «францу-

¹⁹См.: Н. Я. Соловей. Указ. соч.: стр. 80—87.

²⁰См.: И. Семенко. Эволюция Онегина /К спорам о пушкинском романе/. «Русская литература», 1960, № 2, стр. 124—125; Г. А. Гукowski и И. Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, М., 1957, стр. 257.

зе К. М.», женатом «на кукле чахлой и горбатой», намекают, в частности, на К. В. Нессельроде и его жену. Последняя, графиня М. Д. Нессельроде, фигурирует, кстати, и в отрывке «На углу маленькой площади...» под именем графини Фуфлыгиной²¹. Прозаические наброски Пушкина рубежа 1830-х гг. также полны намеков на конкретных лиц и реальные обстоятельства светской жизни этого времени²²; в «Романе в письмах», в котором, по словам Т. Г. Цявловской, «решительно все кажется сколком с настоящей, еще не остывшей жизни»²³, в письме Владимира упоминается по контрасту с Лизой Елена***, вероятным прототипом которой оказывается А. А. Оленина²⁴, сатирический портрет которой появляется и в черновых вариантах XXVI строфы восьмой главы «Евгения Онегина».

Портретность зарисовок имеет существенное значение для понимания того сатирического колорита, который придает описанию светского общества в последних главах «Евгения Онегина» и в прозаических отрывках Пушкина, обуславливая в значительной мере и публицистические мотивы в них. Сатира на «новую знать» входила, по-видимому, в замысел восьмой главы «Евгения Онегина», но под давлением внешних обстоятельств была им здесь снята²⁵, не перестав, однако, занимать Пушкина: отрывок «На углу маленькой площади...» обнаруживает стремление обратиться к ней снова, введя колкие намеки в диалог прозаического произведения²⁶.

Итак, в отрывке «На углу маленькой площади...» Пушкин пытается уже освободиться от публицистики в ее более прямой форме, теснее связав публицистические мотивы с сюжетным действием и поведением персонажей. Это соответствовало общей тенденции к объективности прозаического по-

²¹См.: комментарий Ю. Г. Оксмана в кн.: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, т. IV, 1936, стр. 764. Ср.: История русской литературы, т. VI, стр. 302.

²²См.: А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова. К истории повести Пушкина «Гости съезжались на дачу...». В кн.: Временник Пушкинской комиссии. 1966. Изд. «Наука», Л., 1969, стр. 36—43.

²³Т. Г. Цявловская. Дневник А. А. Олениной. В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 284.

²⁴Там же, стр. 284—285.

²⁵См.: Н. Я. Соловей. Указ. соч., стр. 86—87.

²⁶Над отрывком «На углу маленькой площади...» Пушкин работал преимущественно летом 1830 года одновременно с восьмой главой «Евгения Онегина»; но возвращался к нему и позднее, в 1831 или даже 1832 году. О датировке отрывка см.: VIII, 1053.

вестования, размежеванию прозы и поэзии, наиболее отчетливо проявляющемся на ранних этапах развития пушкинской прозы. Публицистика как форма проявления субъективного авторского начала вступила в противоречие с этой тенденцией, и Пушкин, по-видимому, сознавал это. Во всяком случае, за исключением «Рославлева» (1831), публицистическое задание которого наиболее обнажено, позднейшая проза Пушкина уже не смыкается так тесно с публицистикой, как это имело место в «Романе в письмах» и в набросках «светской повести» 1828—1830 годов. Даже тогда, когда впоследствии в своей прозе Пушкин ставил проблемы большой социальной значимости («Дубровский», «Капитанская дочка»), их художественное воплощение исключало уже введение «чистых» публицистических мотивов, не препятствуя, однако, обнаружению остроты и злободневности этих проблем.

Некоторая нарочитость публицистических «вкраплений» в текст незавершенных прозаических произведений Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов была тем более очевидной, что они, как было показано ранее, представляли собой попытку перенести в прозу элементы художественной системы «Евгения Онегина», противоречившие тем основаниям, на которых складывалась пушкинская проза этого периода. Утверждение функционального соответствия публицистических мотивов в незавершенной прозе «лирическим отступлениям» «Евгения Онегина» не опровергается тем, что в самом «романе в стихах» нет собственно публицистических высказываний «автора» и можно говорить лишь о публицистичности освещения некоторых тем, прежде всего, темы «света» в его последних главах, как в основном тексте, так и в вариантах. Пример «Езерского» подтверждает органичность публицистики именно «лирическим отступлениям» стихотворного повествования.

Таким образом, будучи связанной с опытом «Евгения Онегина», публицистика в «Романе в письмах» и в набросках «светской повести» служила воплощению авторской позиции в условиях, исключавших непосредственное ее проявление; это создавало определенные трудности, преодолеть которые полностью Пушкин на этом этапе развития своей прозы не смог, чем и объясняется, вероятно, его отказ на время от разработки повествовательных принципов, обнаруживавших свою зависимость от стихотворного опыта. Вторичность рассматривавшихся в этой статье замыслов прозаических произведений, их связь с опытом «Евгения Онегина» послужили, возможно, одной из причин того, что они остались неосуще-

ствленными, и Пушкин предпочел пока другие, пусть и более традиционные, но зато в большей мере способные обнаружить специфику прозы, формы. Результатом этого был большой успех — создание «Повестей Белкина»; но Пушкин не отказался совсем от того пути, которым шел, воплощая замыслы «Романа в письмах» и особенно «светской повести», позднее, работая над «Пиковой дамой» и некоторыми другими произведениями своей зрелой прозы, он к нему возвращается, подтверждая таким образом перспективность повествовательных принципов, разрабатывавшихся в незавершенных прозаических произведениях рубежа 1830-х годов.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

г. Псков, 1973